

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**В. П. Булдаков,
П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Международный круглый стол
«Народ и власть в российской
смуте»: 2-я часть

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Narod_i_vlast-2.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Владимир БУЛДАКОВ, Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

2-я часть

начало в № 4 за 2010 год

И.В. Михайлов:

После падения коммунизма кризисный ритм российской истории стал настолько очевиден, что можно говорить о складывании историографии «российских смут». Импульс был задан попытками сравнения опыта Смутного времени и, разумеется, Октябрьской революции и «эпохи реформ» 1990-х гг. в рамках несостоявшихся альтернатив. Некоторые авторы уже в 90-е гг. заговорили о том, что события начала XX в. и его конца в равной мере были связаны с закреплением в российском социальном пространстве спектра бинарных оппозиций, обернувшимся революционным расколом общества. Здесь сыграла свою роль оценка Ю. Лотманом российской системы под углом зрения «культуры взрыва». В свое время он писал, что «идеалом бинарных систем является полное уничтожение уже всего существующего как запятнанного неисправимыми пороками... В бинарных системах взрыв охватывает всю толщу быта... Первоначально он привлекает самые максималистские слои общества поэзией построения «новой земли и нового неба». При этом «характерная черта взрывных моментов в бинарных системах — их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества». Понятно, что новый взрыв неизбежен по мере массового разочарования в некогда достигнутом.

Характерно, что еще до 1993 г. некоторые историки высказывали взгляды, сопоставимые с идеями Лотмана. Однако в «новой» России закрепилась практика совершенно иного — чисто политического — осмысления старых и новых «смут». И хотя западные историки оценивали Октябрьскую революцию и «перестройку» с «эпохой реформ» 1990-х гг. в контексте социального экспериментирования элит над русским народом, осуществляемого при его вольной или невольной поддержке, российские авторы (среди которых преобладали политологи) предпочитали социальную составляющую двух последних «смут» не замечать.

Такой подход стыковался с работами А. Янова, пытающегося рассмотреть цикличность русской истории под углом зрения реформ и контрреформ. Ценность подобного подхода сомнительна, ибо слишком заметно желание упрочить либеральную историографическую традицию, «подкрепив» ее теорией модернизации. Заведомая идеологизированность такого подхода чревата вульгаризацией российского исторического процесса как противоборства «конституционализма» и «авторитаризма». Не удивительно, что некоторые авторы заговорили о «цивилизационных альтернативах» российского исторического процесса, в ряде которых Андрей Курбский представал первым русским конституционалистом.

Впрочем, со временем намечались и более основательные приближения к общей теории российских смут. Так, А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко связали четыре «катастрофы русской истории» (первая — монгольское нашествие) с последовательной

БУЛДАКОВ

Владимир
Прохорович —
д.и.н., старший
научный сотрудник
Института
российской истории
РАН
e-mail: kuroneko@
list.ru

МАРЧЕНЯ

Павел
Петрович —
к.и.н., доцент;
доцент кафедры
философии МУ МВД
России, доцент УНЦ
«Новая Россия.
История
постсоветской
России» РГГУ
e-mail: marchenyap@
mail.ru

РАЗИН

Сергей
Юрьевич —
старший
преподаватель
кафедры
общественных
наук Института
гуманитарного
образования и
информационных
технологий;
координатор
проекта «Народ
и власть в
российской смуте»
e-mail: razin_sersei@
mail.ru

гибелью киевской, московской, романовской и советской государственности. Кризисы объяснялись расколом и/или манихейским типом цивилизации. Такой подход смотрелся более убедительно, хотя и он отнюдь не приближал к осмыслению «анатомии смуты». В свою очередь, В. Соловей объявил три российские смуты (XVII века, 1917 года и современную) «локомотивами» необычайно «успешной» русской истории. Это очень похоже на культурологическую модернизацию марксистских теорий. Примечательно, что, отмечая «метафизический» характер российских смут, он утверждает, будто в их результате осуществлялась «смена социокультурной русской традиции». При таком подходе возникает риск оказаться во власти метафор, на которые отважиться тем легче, чем меньше соприкасаешься с конкретно-историческими реалиями. Получается, что, с одной стороны, «русская Смута хронологически укладывается в эпоху Модерна», с другой – все «русские революции могут служить прекрасной иллюстрацией китайских натурфилософских представлений».

Сегодняшние историографические подходы, несомненно, складываются под влиянием развала СССР. Характерно заключение известного итальянского историка В. Страды о том, что «в истории России XX в. имеет место провал, каких не знала ни одна из европейских стран, как бы конкретно ни называлось такое зияние» (здесь заметно влияние «Зияющих высот» А. Зиновьева). Некоторые западные авторы связывают кризисную «уязвимость» Российской (и советской) империи с тем, что она, составляя социокультурное целое, вместе с тем оставалась периферией Европы, наиболее чутко реагирующей на общеевропейские катаклизмы. Такой подход полностью расходится с либеральными представлениями о том, что в 1991 г. Россия перестала быть империей. Так или иначе, проблематика российских смут связана с осмыслением особенностей российского имперского комплекса.

К настоящему времени наиболее основательно подошел к проблемам российских имперских смут В.П. Булдаков, показавший, что каждая из них проходит несколько стадий: этическую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую, рекреационную. Примечательно, что такой

подход имеет точки соприкосновения с классической работой С.Ф. Платонова, выделявшего этапы «боярской смуты», перенесения ее в воинские массы, открытой общественной борьбы, разделения государства между тушинской и московской властью (своего рода двоевластие) и, наконец, возрождения власти в результате образования «земского правительства». В отличие от него, Р. Скрынников делает упор на то, что в результате правления Ивана Грозного «опора монархии оказалась расщеплена», а «главной причиной» смуты называет раскол, «поразивший дворянство и вооруженные силы государства в целом».

Но стоило бы заметить, что две последние российские смуты все же отличаются от первой тем, что развивались в условиях «догоняющего развития». А это, между прочим, чревато априорной ориентацией на «чужую» модель развития, искаженными представлениями о реальных потенциях «своего» общества, нескоординированностью целей элит с массовыми представлениями о прогрессе. Поэтому, говоря о российских смутах, имеет смысл выделять смуты средневековья и революции эпохи модерна.

В.В. Шелохаев:

Концепт «смута» аккумулировал в себе множество различных состояний в системе взаимоотношений между властью, обществом, индивидуумом. Недаром в «Толковом словаре» В. Даля «смута» характеризуется и как обычная тревога и переполох, и как возмущение, восстание, мятеж и крамола, и как общее неповиновение, раздор между народом и властью, и как обычная неурядица и непорядок, и даже как домашняя ссора, дразги, перепалки и т.д. Все эти состояния емко отражают сущность и логику событий начала XVII и начала XX вв. в России. Не случайное понятие «смута» прочно вошло в последующий историографический и общественно-политический дискурс. Причем изначальный объем концепта «смута» – сложность, противоречивость и мозаичность данного явления.

Казалось бы, ничего особенного – обычный династический кризис, неоднократно переживавшийся и западноевропейскими странами в средние века. Но он высветил то общее и специфически особенное, что было характерно для российского исто-

рического процесса начала XVII в. Спустя 300 лет России пришлось пережить еще более масштабную смуту, приведшую страну, как и в средние века, на грань национальной катастрофы. Несмотря на этот достаточно длительный хронологический разрыв, в российских смутах начала XVII и начала XX вв. обнаруживается много типического, что привлекает внимание представителей различных областей гуманитарного знания.

Обе смуты с особой остротой высветили проблему способности российской власти адекватно реагировать на вызовы времени. Исторический опыт показал, что власть, которая игнорирует эти вызовы, рано или поздно утрачивает ощущение необходимости трансформации и сама становится деструктивной политической силой, провоцирующей разноуровневые конфликтные ситуации. К сожалению, романовская династия не учла уроков прежней рюриковской, довела до полного абсурда понимание ролевых функций самодержавной власти, по преимуществу сведя их к церемониально-ритуальным презентациям идеологического характера. Действительно, внешняя сторона ритуальных функций была отработана предельно четко и до определенного времени являлась эффективной. Однако функции самодержавной власти не сводятся к традиционным ритуальным действиям. В первую очередь власть должна, совершенствуя методы управления государством, обеспечивать эффективность функционирования политической системы. Игнорируя интересы народа, не допуская его к власти, самодержавие объективно способствовало деформации всей системы общественно-политических отношений в России.

В свою очередь и российское общество, изолированное от власти, также являлось источником смуты. Слабоструктурированное, раздираемое глубокими социальными противоречиями, не находящими мирного разрешения в рамках данной политической системы, общество в обеих смутах продемонстрировало историческую неспособность взять на себя ответственность за судьбы страны. Достаточно вспомнить о весьма неприглядной роли политической элиты в событиях Смутного времени начала XVII в. Схожую роль она сыграла и в истории России начала XX в. Сегодня можно

говорить о том, что политическая элита России начала XX в. сама проложила дорогу к власти политическим маргиналам.

Поражают воображение варварские методы разрешения кризисных ситуаций в российских смутах. Речь идет о масштабных людских потерях, невозвратных утратах в области духовной и культурной жизни. Власть в истории России способствовала перманентному вовлечению в смуты все большего числа социально разнородных элементов, преследующих собственные корыстные интересы и имеющих различные морально-этические установки. В массовом сознании причудливо переплетались конкретные сиюминутные интересы и абстрактные идеалы будущего, вековая ненависть к господам и крайне пренебрежительное отношение к чужой собственности, рабское смирение и бурные вспышки насилия, неистовая религиозная вера и разного рода суеверия.

Наряду с обозначенными выше сугубо негативными явлениями, смуты продемонстрировали наличие в России и конструктивно ориентированных социальных и интеллектуальных сил, которые в условиях национальной катастрофы проявляли свои лучшие человеческие качества. Именно благодаря этому удалось в XVII в. преодолеть смуту, возродить российскую государственность и постепенно восстановить единство страны. Неизмеримо сложнее оказалась ситуация в начале XX в., когда «смута» привела к разрыву многовековых традиций, к ликвидации российской империи, старых классов и сословий и всей системы правовых и частнособственнических отношений. Выход из «смуты» начала XX в. проходил уже на основе принципиально иных оснований идеологического, политического, экономического, социального и культурного характера. Смута начала XX в. «вытолкнула» Россию в иное историческое измерение.

Смуты прокладывали дорогу к качественно новому состоянию России. Причем эта дорога могла быть как продолжением традиционного магистрального пути, так и «нащупыванием» принципиально нового пути в непредсказуемое будущее. Смута XVII в. продолжала старый путь, несколько модифицируя прошлое. Итоги же смуты начала XX в. оказались принципиально иными. Модернизация самодержавия,

создание представительных учреждений, системные столыпинские реформы – всех этих реформ оказалось недостаточно для того, чтобы вывести страну из кризиса. Для того чтобы разорвать всякую преемственность с прошлым и приступить к строительству новой России, потребовались Февральская и Октябрьская революции 1917 г.

Исторический опыт российских смут позволяет сделать вывод о том, что они являются производными от неспособности исторической власти и неспособности самого общества найти адекватные ответы на вызовы времени.

Д. В. Лисейцев:

На мой взгляд, очень важным представляется анализ причин, позволивших Московской Руси 400 лет назад выстоять в условиях гражданской войны и открытой военной интервенции сопредельных государств. Я постараюсь осветить один из аспектов этой сложной и многогранной темы, а именно вопрос о роли и позиции московской бюрократии в событиях начала XVII в.

Исследование приказной системы Московской царства рубежа XVI–XVII вв. позволяет сделать ряд выводов, опровергающих традиционное представление о том, что в Смутное время произошло крушение системы государственных управления. Приказы в течение всего Смутного времени функционировали исправно и бесперебойно. Государственная система Московской Руси оказалась достаточно прочной. Эта прочность стала важнейшей предпосылкой преодоления Смуты.

Не в последнюю очередь причиной тому стала стабильность и грамотная кадровая политика, проводившаяся высшим руководством страны. Можно утверждать, что события Смутного времени не повлияли на численное состояние штата московских приказов. В целом, штат приказных дьяков был достаточно стабилен; в приказах эпохи Смуты можно констатировать высокий уровень преемственности кадров. Необходимо отметить также, что в условиях «междоусобия» московские дьяки в большинстве оказались на стороне национально-освободительного движения. Об этом свидетельствуют их переходы на сторону Первого, а затем и Второго ополчения. Приказные люди, в свою очередь, «отвечали государству взаимностью», вы-

ступая в условиях Смуты на стороне патриотических сил.

Б. Ф. Славин:

Несколько слов о понятии «смута». Я думаю, что это всего лишь образ. Образ, который создается властью, когда она теряет свое господство. Если до революционных событий все было ясно, то после начала революции становится все непонятно – появляется «смутное время». Думаю, что задача ученых – осветить проблему смуты с точки зрения ее социального, политического анализа. Тогда эта категория станет прозрачной и нам более или менее что-то станет ясно. Я считаю, что все-таки речь должна идти о революциях в истории России. Мне ближе понятие «революция», и именно его я буду анализировать. Что такое революция? Сейчас многие, как правильно сказал наш ведущий, считают революции результатами определенного заговора узких кругов, элиты и т.д. Я стою на совершенно противоположной позиции и считаю, что революции возникают тогда, когда в ней участвует большинство народа. Все наши революции совершались абсолютным большинством народа, куда входили и представители рабочего класса, и представители крестьянства, и определенная часть интеллигенции.

Я думаю, что революции возникают, только когда возникает острейшая, жизненно важная для большинства общества проблема, которую не в состоянии решить власть. Вот тогда-то и возникает конфликт между народом и властью. Если мы возьмем Россию, то здесь все очень просто – на рубеже XIX–XX вв. такой проблемой, безусловно, был земельный (крестьянский) вопрос. Попытки ее решения были, но она не была решена. Думать о том, что революция лишь просто заговор элиты – это наивность или политически ангажированный, чисто публицистический прием. Поскольку сегодня предметом критики является Октябрьская революция, то некоторые считают, что неплохо бы представить ее всего лишь переворотом, который совершили некие сионисты, безродные космополиты и т.д. Никакая революция не может произойти, если ее желает только какая-то узкая группа элиты, а народ молчит. Если мы возьмем Октябрьскую революцию, то ясно, что ее совершили массы, при этом стихийно сложился союз рабочего класса и крес-

тьянства, представлявшего собой громадное большинство народа.

Рабочий класс России был уникальным рабочим классом. Это был полный энергии, сознательный класс. Несмотря на свою малочисленность, российский рабочий был достаточно активен, его поддержала основная масса народа. А толчок к началу Февральской революции дали женщины, которые вышли на улицы — им нечем было кормить детей. Вообще женщины, на мой взгляд, являются своего рода критерием революционности народа. Если женщина толкает своего мужа на улицу и говорит: «Защити!» — это подлинный критерий начала настоящей революции. Тогда призывы женщин подхватывают мужчины, солдаты начинают поддерживать рабочих, к рабочим присоединяется крестьянская масса. Но Февральская буржуазно-демократическая революция не принесла главного ожидаемого результата — не дала крестьянам землю. Мало того, была еще одна проблема — проблема мира. Война обрыдла всем социальным слоям. Почему произошла Октябрьская революция? Потому что Февральская революция не решила ни вопрос о земле, ни вопрос о мире. Она оказалась не вполне нормальной буржуазно-демократической революцией, ибо увенчалась только свержением монархии и дала ряд свобод. Октябрь и Февраль в связи с этим следует рассматривать как единый революционный процесс.

И поэтому мы вправе говорить о единой Великой русской революции.

Несколько слов о современной смуте. Был нормальный план и была идея перестройки, которая заключалась в том, чтобы превратить наш казарменный, бюрократический социализм в демократический социализм. Трагедия Горбачева в том, что он не смог осуществить стратегию, которую провозгласил и которую первоначально поддержала основная масса народа. В событиях 1980—1990-х гг. следует выделять 2 этапа: перестройку и постперестройку. Я не сторонник точки зрения, что Союз развалился в силу неких объективных факторов. Объективное в истории реализуется только через субъект. Никаких «железных» законов, не зависящих от людей, в истории нет. И когда трое подвыпивших людей, вопреки результатам всенародного референдума, объявляют роспуск Союза — это конкретный акт, показывающий, кто является подлинным виновником распада Союза.

То, что революция рубежа XX—XXI вв. не завершилась — это абсолютно верно. Не решены основные вопросы, которые сегодня важны для большинства народа. Она не завершилась еще и потому, что не выявился, не определился субъект революции. Этот субъект вызревает, может быть, еще ходит в детский сад. Но он должен появиться. Будем надеяться, что это произойдет на наших глазах.